

Идите в прорабы!

Рассказ

Старая народная мудрость гласит: пока толстый похудеет, тонкий не раз околеет. Вряд ли кто возьмется доказывать обратное. Однако ж все толстяки, а тем паче толстухи, страстно мечтают похудеть. И не останавливаются ни перед какими самоистязаниями. Они морят себя диетой, изнуряют физическими упражнениями, жарятся в парной. Но все это, как правило, не дает желаемого эффекта. А между тем есть очень простой, и, к тому же, верный способ возвращения первоначальных габаритов. Не надо ни бегать, ни прыгать, ни голодать, ни истекать потом в перегретой парной. Идите в прорабы! Причем, желательно в систему нашего «Сельхозмонтажа». Если, конечно, здоровье позволяет. И вы будете тонкими, звонкими и даже прозрачными. Не голодно говорю. На собственном опыте проверено. Я, например, до прорабства был, что называется, поперек себя шире. А как заступил на эту должность, так сразу «накопленый» как ни бывало. И теперь у меня очень аккуратная талия.

Что же конкретно в этой прорабской должности так благотворно на фигуре сказывается? Очень даже многое. Обо всем долго рассказывать, а потому я поведаю лишь кое-что. Ну, например, про Ваню. Есть у меня на участке такой специалист по газосварке. А почему я именно про него речь завел, вы потом сами догадаетесь.

Итак, Ваня. Разумеется, есть у него и отчество, и фамилия, только навеличивать его в нашем здоровом коллективе не принято, хотя этому Ване уже под сорок, и он многодетный отец.

В общем и целом наш Ваня неплохой товарищ. Во всяком случае, дело свое знает. И характером покладистый. Всем бы кореш, да вот только слегка с заскоками.

Как получка или аванс, так Ваня во главе тепловой кампании спешит на Колхозную. В популярный специализированный ма-

газин. А после посещения этой оживленной точки и импровизированного застолья он продолжает свой путь домой обычно на четырех конечностях.

Наутро, честно расплатившись за оказанные ему услуги и тепло поблагодарив сотрудников за гостеприимство, Ваня, как ни в чем ни бывало, заявляется на работу. Не заходя домой. У него нет такой моды, как у некоторых, чтоб с похмелья прогуливать. Про вытрезвитель, конечно, ни звука. Лишь по мятому виду и мутным глазам Вани можно догадаться, что он провел минувшую ночь не лучшим образом.

И вот прибывает наш Ваня вместе со всеми на объект. Только, похоже, не затем, чтоб работать. И вместо дома нередко оказывается в вытрезвителе, в знакомых стенах. Ему теперь хоть пень колотить, лишь бы день проводить. С утра срочно сварка нужна, бригада простаивает, а у Вани начинаются хождения. То у него электроды куда-то задевались, то маску в машине забыл, то держак греется.

У меня, в конце концов, лопается терпение, и я ставлю вопрос ребром: — Ты будешь сегодня работать или нет?

— Счас приступаю. Вот только настроюсь, — поспешно заверяет Ваня. — Да ты, Васильич, не беспокойсь. За мной задержки не будет. Все кругом заварю. Мигом-махом. Наконец, он действительно начинает варить. А мне надо ехать прощановки подписывать, на других объектах побывать.

— Ну, смотри, не подведи! — строго наказываю на прощанье.

— Век мне похмелья не видать! — божится Ваня, — в лепешку расшибусь!..

Но когда я через недолгое время снова появляюсь на этом рабочем месте, мой Ваня уже в «ауте». Из-за сварочного аппарата только его «кирзы» торчат, а рядом пустая бутылка валяет-

ся. И дух такой, что хоть противогаз надевай, или закусывай. И ничего, конечно, не заварено. Вот тебе и «мигом-махом»..

Ваня поспыхивает себе, и в ус не дует, а тут как хочешь, так и выкручивайся. Ведь спрос-то за все, что ни делается на объектах, не с Вани, или там с кого другого, а только с одного прораба. С меня то есть.

Как-то в начале зимы поручил я Ване на пусковом коровнике в наружный водопровод врезаться. Вода нужна была срочно. Коров поставили, а поить их нечем.

— Это я мигом-махом, — авторитетно пообещал безотказный Ваня.

И точно.. Едва успел Ваня в колодец забраться, как вдруг забил оттуда фонтан горячей воды попалам с паром. Вроде гейзера. А следом и сам Ваня, как пробка, выскокил. И забегал вокруг да около, виляя бедрами, как индийская танцовщица. Оказывается, его горячей струей обдало. Он не ту трубу распорол — в теплосеть залез. Перепутал с похмелья.

И пошла тут канитель по укрощению «гейзера». Пока там все с врезкой устроили, уладили, чуть всю отопительную систему фермы не разморозили. Коров почти на сутки без воды оставили.

На мою голову потом еще долго шишки сыпались. С разных инстанций. Само собой, и Ваня безнаказанным не остался. Да что толку? У него этих наказаний хоть пруд пруди, а с него все, как с гуся вода.

По логике давно бы пора направить его на все четыре стороны по самой суровой статье КЗОТа. Да ведь нельзя. С рабочими кадрами у нас негусто, а Ваня, тем паче, единственный сварной на объекте. Уволь, и варить будет некому. Да и жалко его, подлеца, все обещает исправиться. А, может, возьмет да и сдержит свое обещание? Ведь в жизни случается всякое.

Теперь вы поняли, почему прорабы не бывают толстыми? Вот именно. Заботы много..

Охалка сена

(РАССКАЗ)

Суббота — школе конец. По блину за обе щеки, на лыжи и — на лесосеку!

До нее от деревни — все пять километров. Но дорога наезжена: катись, отталкивайся палками.

Все лесом и лесом. Зверя сейчас нет, в снегах отсиживается. Одни птицы.

— Мя-у!! — на весь лес. Так и присел. Кошка? — Я же километра три отмахал от деревни. Человек?

— Мя-у!! — над самой головой.

Чтоб тебя! — птица, сорокопуд. Сидит на вершинке сосны. Серенькая, с дрозда. Тоже мне пересмешишь — и кошку и кукушку передразнивает.

— А хрюкать еще не научилась? — кричу весело сорокопуду, страх-то прошел.

Она как каменная — ноль внимания на меня, даже перышком не шевельнула. Ну, сиди — мне некогда.

Потянуло дымком — лесосека. Мороз уши прихватил, а лесорубы в одних свитерах: жарко на работе!

— Па-па!..

— А-а... Замерз? На-ка топор, согреться. Обрубай сучья, которые по тебе, толстых не трогай.

Зимний день — с птичий нос. Жжик! — под самый корень сосну. Не хочет падать зеленая, с секунду стоит на спиле. «Пора, матушка!» — говорят лесорубы чуть упрутся в сосну, и она враз падает оземь — у-ух!!

Сгущаются сумерки. Народ спешит управиться с последними деревьями, а я подбираю у лошадей остатки сена — в сани, ехать теплей.

Вот и отец готов в дорогу — вынес из сторожевой избушки большой тулуп. Он сгребает в охалку собранное мною сено и относит к избушке. Делит охалку на части, раскладывает сено вокруг домика.

— Не жадничай, — говорит отец.

Я таращу глаза.

— Не понимаешь? Сколько снегу в лесу навалило! А мороз? К ночи покрепчает. Сено — и сохатым и зайцам, и кабанам. И на прокорм, и для тепла. Сам знаешь, поешь: тепло набегает.

— Уедем — ози так... сразу... и придут? — перехватило у меня в горле. Вот бы остаться, посмотреть!

— Чему вас в школе учат? Зверь — не дурак. Часа через три, не раньше, пока дух человеческий не выветрится.

— Папа, оставь меня в избушке — глянуть на них...

— Одного? Ну, брат...

— Дмитрий Иванович! — кинулся я к соседу-односельчанину, который брал меня на тетеревинок охоту. Упросите папу!

— А что? В его годы мы с тобой зверя постреливали, — подошел к отцу Дмитрий Иванович. — Не разнесут же сохатые сторожку по бревнышкам! Печь докрасна накалится — тепло до утра не вынесет. Кусок хлеба найдется, — не все блинами баловать.

И вот — в потемках скрылась последняя подвода. Утром приедут, часов в семь.

Я сидел в избушке, прильнул к холодному оконцу. Теперь я один — на весь лес. Ни человека на десятки верст!

Даже поехали — одиноко. Но тут же сказал вслух:

— Кхе! Кхе!..

Говорят, когда слышишь свой голос — уже вдвоем.

Принялся за хлеб с луком — стало веселей.

Но вот проглотил последний кусочек — сижу, гляжу... Огня не зажигаю. Тра-ах!! Где-то в глубине леса. Выстрел?

Трах! — послабее.

Это же деревья в лесу трещат — мороз крепчает!

На полу засветлели желто-белые пятна. Луна! «Светит месяц, светит ясный». Посвети, посвети — скоро гости пожалуют.

Месяц озарил белым светом, как прожектором и штабеля бревен, и зеленые сосны да ели. Снег заискрился серебристыми блестками. Как на красоту такую одному глядеть? — ребята бы сюда, всю школу.

Я смотрю на снежную, лунную лесную сказку, боюсь шелохнуться. Потом спохватился: выпялился в окне — при свете луны — всем зверям на обозрение! Ни один не подойдет к сенцу: сторож, подумает.

Отодвинулся от окна — вовремя: белый комок — зайчишка! — оторвался от зеленой ели и — скок! — остановился, скок! — прислушался — направился к штабелю бревен. Голоден же беляк! — так и пошел стратать березовую кору.

Вот еще два белых комка. Зайцы облепили штабель со всех сторон. Такая тишина — слышно в избушке, как шелестит березовая кора, переговариваются между собой лопухом: «И-и!.. И-и!..»

И вдруг словно пружиной всех их подбросило высоко вверх и — в разные стороны: к штабелю трусил кабан. «Хр!Хр!» — он с ходу полоснул клыками по сосновому бревну и так же трусой

— к сено. Почавкал-почавкал, недовольно хрюкнул и опять засеменял штабелю бревен. Не нравится угощеньце? Привереда! Не обессудь — желудей нет.

Кабан трусливо поджал короткий хвост и попятился в гущу леса: на поляну перед сторожкой вышли величественные, ветвистыми рогами лоси. Два, три... Стадо!

Лесные красавцы, пофыркивая, приблизились к избушке — у меня за мерло сердце. Не от страха — не вышибут же они дверь! Просто никогда так близко не видел огромных диких животных.

Из широких ноздрей сохатых клубился пар — мороз! Спасибо тебе, печка — мне-то тепло.

Лоси жадно набросились на сено, хватали его толстыми губами вместе со снегом. Один, повыше, посильнее, ковырнул соседа в бок — не поделили! Что охалка? — воз сена им давай!

Я прилип носом к стеклу, рассматриваю животных. Нет, не все они одинаково сильные. Вот этот, помоложе, прихрамывает: на обеих передних ногах выше копыт шерсть и кожа содраны до самых костей. Пора-нельзя бедняга о ледяную корку снежного наста — она проламывается под острым копытом тяжелою зверя и до крови сдирает кожу.

Тут я заметил: стекло оконца с обеих сторон быстро покрывается белым снежным налетом, изморозью.

Кончились мои смотрины. Теперь слушай, как ходят вокруг сторожки рогатые хозяева леса, как фыркают, бодаются друг с другом, роют копытами мерзлую землю.

Трах!... Дерево треснуло от мороза или сшиблись рогами сохатые? Трах!

Чик!..

Так я и уснул на лежанке, накрывшись тулупом, оставленным отцом, под треск деревьев да стул лосиных рогов.

Отец и разбудил меня:

— Обедать пора! Всю ночь не спал, на лосей глядел? Что ж... Не забыли тебя сохатые. Вон какой подарок оставили... и отец занес в избушку огромные ветвистые лосиные рога. — Бодались, видать? Декабрь, у лосей как раз такая пора — рога менять.

Я взялся за «подарок» — тяжелище! Ни за что не донес бы до дому. А лоси рогами вон как легко вертит.

Вышел на воздух. Вокруг сторожки — следы сохатых, как возле конюшни — от лошадей. И — ни одной сенинки!..

— Что, сын, задумался?

— Мало мы вчера сено оставили...

— А-а... Я ж тебе говорил — не жадничай. Ну сегодня больше оставим.

— Алло! Юлька, это ты? Кто, кто? Не узнала, что ли? Да Лялька же... Ну, конечно! Слушай, у меня потрясные новости. Моего шефа, так сказать... Представляешь? Отправлялся. Поехал куда-то с понижением. Жду нового... Что? Придумаешь тоже. Че попало... Да в ресторан я хоть с кем пойду, мне чужих денег не жалко. Кто новый? Данцевич А. П. какой-то... Не знаю еще. Откуда-то прислали. С периферии вроде. Похоже, выдвигенец. Ну там посмотрим, что за гусь... Жду с минуты на минуту. На цырлах! Наш Левушка... Ну зам, Лев Борисыч. Уже уехал в аэропорт. Встречать. Нафуфырился. Коньяку прихватил. Все по высшей марке. Заранее леща кидает. И нас всех в парикмахерскую сгонял, чтоб были при полном параде... А как же! Конечно. Я даже новый парик придела. Такая благородная седина с

просинью. Представляешь?..

— Девушка!

— Ну что вам? Видите, занята! Деловой разговор. Нет, это не тебе... Да тут какая-то...

— Нельзя ли повежливее?

— Подумаешь, цаца!.. Юлька, ты подожди пока. Ну что вы хотели?!

— Мне нужен заместитель управляющего.

— Его нет?

— А где он?

— Ну, допустим, уехал.

— Надолго?

— Вот прицепилась! Поехал нового управляющего встречать. Так что ждать его, я думаю, бесполезно. Сегодня ему будет не до посетителей. Понятно?

— Спасибо, поняла. Значит, мы разъехались...

— Что? Как вы сказали?!

ЛЯЛЬКА ОЗАБОЧЕНА

— Разъехались, говорю.

— Так, значит, это он вас должен был встретить?..

— Наверное.

— Стало быть, вы... товарищ Данцевич и есть?..

— Да, это моя фамилия.

— Ой, что же вы сразу-то не сказали?! А я-то... че попало. Вы уж, извините, пожалуйста!

— Об этом мы после поговорим. А пока дайте ключ от кабинета. А вечером Лялька сетовала своей подружке:

— Ну сподобили нас управляющим. Не дай бог Данцевич-то А. П., оказывается, не он, а она, Александра Павловна. Из-за этого, между прочим, и Левушка ее с самолета не встретил. Он-то все высматривал мужчину этакого солидного вида, а на женщин вооб-

ще ноль внимания. Смотреть-то си, конечно, на них смотрел, только с другой точки зрения. Но и с этой точки Александру Павловну пропустил мимо глаз. Потому что внешность у нее, представляешь, самая заурядная. Без малейшего фасону. У нее даже маникюра нет. Представляешь? И юбка ни длинная, ни короткая, не поймешь какая. А еще собирается руководить таким шикарным коллективом, как наш! Представляешь? Ее, видно, просто как орденоску выдвинули...

— А что, у нее орден есть? — удивилась Юлька.

— Представь себе, да.

— И какой?

— Не знаю даже. Я ж в них не разбираюсь...

— Ну ты даешь!
— А что я виновата,

что у меня ни одного орденосного знакомого нет? Где их посмотришь?..

— Выходит, твоя новая шефа человек-то надо. — определила объективная Юлька. — А ты тут тень на плетень наводишь.

— Не знаю, не знаю, — вздохнула обескураженная Лялька. — Пока она всем сразу дала понять, что старые порядки кончились. Левушке за коньяк дала такой нагоняй, что он бедняга из ее кабинета пробкой вылетел. Весь в мыле. А потом меня вызвала и давай воспитывать. Правда, вежливо. Вы, говорит, такая молодая, такая симпатичная и такая грубиянка. На что это похоже? Мне, говорит, вас даже жалко. Ведь грубят, дескать, только душевные уроды. Представ-

ляешь? Выходит, я душевный урод. Как-во, а? А потом и на внешность мою обратила внимание. Что

это, дескать, за вид? К чему вы, говорит, эти дурацкие штаны напялили? Это она так про мои моднячие джинсы! Представляешь? А особенно ей мой парик не понравился.

Ну что, говорит, хорошего в седине? У вас что, спрашивает, своих волос нет, что ли? Есть, отвечаю. Ну а на кой, говорит, вам эта куделя? Ты представляешь?! «Куделя»! С ума сойти! Теперь хоть не надевай, раз так сказала. Но тогда я не представляю, как быть, ведь я с этими париками и причесываться-то совсем разучилась. Ох, чуёт мое сердце: хватим мы с ней мурцовочки...

РЕДАКТОР

В. С. АСАДЧИЙ.